

Анна ГЕДЫМИН

ВЕРИТЬ В БЕССМЕРТИЕ

Анна Юрьевна Гедымин родилась на Арбате, в семье инженеров. Окончила факультет журналистики МГУ. Награждена радиостанцией «Немецкая волна» за радиопьесу (1991), лауреат премий журналов «Литературная учёба» (2005), «Дети Ра» (2010), «Юность» (2013), специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (2013), журнала «Зинзивер» (2015), первой премии в Международном литературном конкурсе им. С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение России» в номинации «Думы и грёзы» за лучшее стихотворение (2020). Член Союза писателей СССР и СП Москвы, Русского ПЕН-центра. Член редакционного совета журнала «Юность».

Встаём на восходе.
Восхода червонная мякоть
Теплее на юге,
но ярче в России зимой.
И трудно понять,
то ли хочется петь, то ли плакать,
И близкое небо
чрезмерной чудит крутизной.

Постой, не чуди.
А не то — сколько раз уж
бывало! —
Прольётся на землю
горячий рубиновый цвет.
Конечно, красиво.
Да только Россия устала
Быть главной жертвой
своих же великих побед.

Ты помнишь? — детство,
стриженные ногти,
Огромный бант, умолкший
третий класс...
Горнист, волнуясь, врёт
на каждой ноте...
Так в пионеры принимали нас.

Смеркается. Салют.
Ноябрьский праздник.
Вдруг — полная луна,
как мандарин...
И ангелоподобный одноклассник
Мне о геройстве что-то говорил.

Мы были так торжественно
серьёзны,
Так дружно шли, поддерживая
строй,
Что в небесах рассчитывались
звёзды,
Как фонари — на «первый»
и «второй».

А он грустил, что слабое
здоровье,
И всё ж мечтал в матросы,
хоть убей, —
Где море на закате —
цвета крови,
А может — даже голубей...

Я-то знала, что буду нужна
тебе и нежна —
Словно старшая дочь,
а может — третья жена,
Словно, как говорится,
дорожка среди камней.
Только стать никогда не хотела
жизни нужней.

Подняла ненужную жизнь,
прижала к груди...
Что мне делать с такой удачей,
сам посудите! —
Мне, в пыли находившей
максимум три рубля,
Понимавшей, что небо ещё
скупей, чем земля...

По-над городом осень,
слезится дождь по стеклу...
Не работает солнце, запаханное
во мглу...
Ожиданье исчерпано, слово
теперь за мной.
Шутки в сторону.
Стрелки пущены. День восьмой...

Наплевать на то, что позабыто:
На фамилии —
и номер школы,
На предметы правильного быта
И на все английские глаголы,

На врага, что сделал злое дело
И ушёл, в том деле не замечен,
На друзей, живущих так умело,
Что на них всё жальче тратить
вечер.

Я стою. Дорога остывает.
Ночь идёт — и мглиста,
и огромна...
Сердце ничего не забывает,
Что прекрасно, страшно
иль укромно.

Но мечтаю — посреди волненья,
Солнца, гроз, в которых тонет
бездна,
Не забыть хоть что-то,
для сравнения,
Что легко, случайно, бесполезно...

Ничто грозы не предвещало,
На мой непросвещённый взгляд,
Но бабка собрала цыплят
И долго внука поучала,
Чтоб возвращался до дождя,
И он кивал ей, уходя.

Известно было ей одной,
Когда придёт холодный ветер,
Когда промчится стороной —
Короче, всё на нашем свете,
На этой стороне земной.

Как будто испытал сама,
Считала смерть подобьем сна.
...Тот мёрзлый день

(метель, зима,
А был всего ноябрь, начало) —
Не только ей закрыл глаза:
Теперь не знаем ни аза, —
Нас в поле застает гроза...
Ничто грозы не предвещало...

Враждебная, с чёлкою чёрной
И взором — острее огня,
Считайте себя отомщённой:
Он больше не любит меня.

Он где-то, он — птица на ветке,
Его не удержишь в руках.
Уж месяц, как смолкли соседки
Про губы мои в синяках.

Я знаю, бестактно...

Но вы же
Прошли до меня этот путь...
Как жить? — научите.
Как выжить! —
Когда ничего не вернуть...

Вдруг возникли из небытия
Тыщелетней давности друзья...

Помнят обо мне —
скажи на милость!
Снова учат жить —
напрасный труд.

Говорят, что мало изменилась, —
Это мне приятно, хоть и врут.

И, включась в обычную игру,
Спрашиваю про детей,
начальство,

Говорю, что вспоминала часто...
И самой приятно, хоть и вру.

И пасмурный ветер
потрогать влажной щекой,
И с нежностью вспомнить
ночлег —
подобие крова,
И вновь устремиться туда,
где в траве за рекой
Гуляет рыжая
лоснящаяся корова.

И даже если
нерадостная пора —
Такая, что Господи
не приведи нашим детям,
Всё равно каждый вечер
мечтать дожить до утра,
А значит — верить в бессмертие,
как кто-то верно заметил.

И вдруг однажды,
стоя вот так, в пальто,
С десятком лисичек,
найденных здесь же, на кромке
поля,
Оказаться внутри звездопада,
хотя никто
Не просил щедрот у небес,
а только глазел, не боле.

А звёзды стекают под ноги,
как вода.
И не надо особых навыков
в предсказанье,

Чтоб увидеть дальнейшее:
вздрагнешь и, как всегда,
Вспомнишь детство, паром...
И — не загадаешь желанье.

Но самый нищий — тот,
кто вправду независим...
Как эта мысль во мне
обугленно горит,
Когда я лгу друзьям
и не читаю писем,
И ненависть врага
почти что не бодрит!

Не приведи Господь,
любя, не ждать ответа!
А коль заманят в сеть —
пусть крепкой будет сеть!
...Среди чужих орбит
летит, летит комета.
И нечего терять.
И не о чем жалеть...

И всё-таки я помню о тебе.
Так путник, заплутавшийся
в судьбе,
Забуть не в силах полдень
конопатый,
Перед околицей последний дом,
И речи, различимые с трудом,
И лёгкость непугающей
утраты...

Как больно помнить то,
что никогда
Не повторишь...
Казалось — ерунда.
Но неприятно,
железнодорожно
Два пламени, два карих вслед
глядят.
Слова-то ладно, а вот этот
взгляд
Забуть не можно...

